

РИГАС БАЛСС. Среда, 13 февраля 1963 г.

ПОЕТ ШАЛЯПИН!

Насколько помнится, впервые я увидел Федора Ивановича Шаляпина в 1912 году — не самого, а его фотоснимок на обложке сборника песен, исполняемых им. В этот сборник были включены получившие большую популярность в исполнении Шаляпина такие песни и баллады, как «Баллада» Рубинштейна, «Два гренадера» Шумана и другие. Этот сборник в то время был очень популярным и широко распространенным. Мои современники, несомненно, помнят его.

Следующая моя встреча была с настоящим, живым Шаляпиным, я увидел его на петроградской сцене. Это было в 1915 году. Слушая его чудесный голос, наблюдая игру великого артиста, я думал, что никогда еще не встречал ничего подобного, ни на сцене тогдашней рижской «Латышской оперы» П. Юрьяна, ни в Рижском городском театре (нынешний Театр оперы и балета).

Казалось, я присутствовал не на оперном спектакле, а видел кусок самой что ни на есть настоящей, подлинной жизни.

Особенно сильным было впечатление от таких опер, как «Вражья сила» Серова, «Борис

Годунов» Мусоргского и «Русалка» Даргомыжского.

С тех пор я часто думаю о Шаляпине, о его многогранном таланте, об огромной силе его искусства — подлинно гениального.

Разумеется, я даже и не мечтал, что когда-нибудь наступит такой счастливый день, когда я буду стоять на сцене рядом с Шаляпиным — в качестве его партнера. Но казавшееся мне невероятным случилось.

Это произошло в начале 30-х годов, в Риге, на сцене тогдашней «Национальной оперы». В опере Мусоргского «Борис Годунов» Федор Иванович исполнял главную роль, а я — партию Пимена.

Первый же слух о том, что ожидаются гастроль Ф. И. Шаляпина в нашем оперном театре, глубоко взволновал весь коллектив и особенно оперных певцов. Больше того, этот слух взволновал весь город.

Была назначена репетиция, на которую, кроме солистов, хора и оркестра, во главе с дирижером Т. Рейтером, пришли все работники театра, а также многочисленные представители театрального мира Риги.

Приветствуемый аплодисментами, юношески легкой по-

ходкой на сцену вышел Федор Иванович Шаляпин. На нем был изящный светло-серый костюм.

Короткое вступительное слово, и — репетиция началась. Все присутствовавшие были поражены, насколько глубоко Шаляпин знал все сольные партии, хоры, оркестровую музыку, до какой тонкости он продумывал каждый спектакль. Федор Иванович неоднократно останавливал репетицию, чтобы сделать замечание, как более правдиво и проникновенно исполнить то или иное место. И все его замечания были настолько ценными, настолько убедительными, что не понять и не согласиться с ними было просто невозможно. Наоборот, у каждого из нас мелькала одна и та же мысль: как это мы сами не замечали раньше того, что он заметил?

...Сцена в келье. По знаку Федора Ивановича я в полный голос спел известный монолог Пимена: «Еще одно последнее сказание...».

Шаляпин дружески обнял меня, сказал: «Ты спел хорошо! Но думаешь ли ты над тем, что Пимен был человеком мятежной души, человеком-воином? И это должно отразиться

в партии Пимена. Без этого Пимен — не Пимен. Ну, хотя бы так».

И Федор Иванович в полголоса показал мне свою интерпретацию монолога.

Надо сказать, что партию Пимена я разучивал под руководством тогдашнего режиссера П. И. Мельникова. Роль Пимена прочитывалась с акцентом на церковный сан моего героя. В сцене смерти Бориса, например, я появлялся в богатом парчовом облачении...

Федор Иванович решительно отбросил всю эту церковную пышность. Я вышел на сцену в финале в той же черной рясе и в монашеском клобуке, что и в сцене в келье. Облик Пимена стал совершенно иным не только по костюму, но и по существу. Родился Пимен реальный, правдивый, народный и, конечно, более впечатляющий.

В памяти ярко сохранился еще один эпизод — из второго действия. На сцене Мамка и Ксения, изливающая свою грусть о пропавшем суженом. И вдруг — появляется Федор Иванович. Он берет из рук Мамки рукоделье, садится на ее место, и, с удивительным умением перевоплощаться, вживаться в образ, сам начинает работать, не сводя глаз с царевны. Перед зрителем возникает картина огромной художественной силы. Шаляпин играл так естественно, так просто и убедительно, будто он всю жизнь только и делал, что вязал да нянчил царевен. А в его возгласе, обращенном ко Ксении: «Ау, полно, царевна-голубушка!», прозвучала такая органичная интонация, что с изумительной глубиной раскрылись взаимоотношения и

ущность этих двух сценических образов.

«Или — незабываемая сцена с курантами. Галлюцинации, Бориса. Он, как безумный, восклицает: «Вон... вон там... что это?.. Там в углу? Колыхнется, растет... близится... дрожит и стонет...». С величайшим трагизмом произносит он свою последнюю фразу: «Господи, помилуй душу преступного царя Бориса!...». Ужас потрясает каждого при виде столь трагического конца царя Бориса.

...И занавес медленно опускается.

Я стою за кулисами около рампы. В зале — глубокая тишина. Проходит несколько секунд. И вдруг зал взрывается овацией... Поднимается настоящая буря, она бушует, долго не утихает. Я гляжу на сцену, Борис все еще лежит недвижимо. Но вот он медленно, тяжело поднимается. И мне кажется, что сквозь грим я вижу мертвенную бледность его лица...

А зал неистовствует от восторга.

После этого спектакля наша профсоюзная организация устроила банкет в честь Шаляпина. Федор Иванович сидел на почетном месте, в конце длинного-предлинного стола. Простой и сердечный, он глядел на нас со своего места. Сколько теплых слов сказал он нам в тот вечер! Он говорил об искусстве, и его кузнice — опере. «Мы все — кузнice этого искусства, — сказал он. — Только у одного удар молота высекает сильные искры, и они летят далеко, а другой высекает лишь мелкие искорки...»

Пусть же наша кузнice — опера всегда будет светочем большого человеческого искусства!

Как созвучны эти слова, эти благородные призывы с большими и светлыми задачами, которые решает искусство нашей страны, строящей самое гуманное общество в мире.

Голос Шаляпина остался в грамофонной записи. Он по-прежнему волнует сердца, заставляя снова и снова переживать то великое, что создал этот чудесный гений.

Э. Микельсон,

и. о. профессора Латвийской государственной консерватории, заслуженный деятель искусств Латвийской ССР.